

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-65-83>

Исследовательская статья
УДК: 341.3
Поступила в редакцию: 01.08.2023
Принята к публикации: 08.09.2023

Юлия Владимировна ПУЗЫРЕВА

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Академика Волгина ул., д. 12, Москва, 117997, Российская Федерация
yuliya_dugina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4448-2200

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

ВВЕДЕНИЕ. В последние десятилетия наблюдается эскалация вооруженных столкновений на территориях африканских государств, государств Ближнего Востока и Центральной Азии с участием военных формирований, международных террористических группировок, которые повсеместно используют практику нападения и разграбления культурных ценностей в качестве военной стратегии. В этой связи представляет научный и практический интерес комплексное исследование международно-правовых и организационных основ регулирования защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов, оценка их эффективности и определение перспективных задач по разработке дополнительных мер и стратегий для сохранения культурного наследия с учетом новых вызовов и угроз.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В данной работе исследуются положения ключевых международных договоров, решений главных органов и специализированных учреждений ООН, которые в своей совокупности формируют действующий международно-правовой режим защиты культурных ценностей в условиях вооруженного конфликта. Автор также анализирует решения органов международной уголовной юстиции по привлечению к ответственности физических лиц за преднамеренные нападения на куль-

турные объекты в рамках военных действий. Отдельное внимание уделено изучению научных работ как отечественных, так и зарубежных ученых, в рамках которых формируются международно-правовые концепции, призванные разрешить существующие проблемы в действующей международно-правовой регламентации исследуемого вопроса, а также сформировать перспективные концепты в рамках развития доктрины международного права. Методологическую основу составляют общенаучные и специальные методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. По результатам проведенного исследования установлено, что на протяжении XX в. государства последовательно вырабатывали нормы по защите культурных ценностей от угроз, связанных с вооруженными конфликтами, в то время как XXI в. был ознаменован передовой практикой применения норм об ответственности за нападения на культурные ценности в условиях вооруженного конфликта в деятельности органов международной юстиции. Кроме того, определено, что впервые в истории миротворческой деятельности ООН Советом Безопасности ООН был апробирован мандат Многопрофильной комплексной миссии по стабилизации в Мали, в рамках которого миротворческий контингент среди прочего выполнял задачи по защите, охра-

не и восстановлению совместно с ЮНЕСКО объектов культурного наследия.

Представляется значимым выявление и обобщение перспектив по разработке новых международно-правовых мер по сохранению культурного наследия для будущих поколений с учетом меняющейся природы вооруженных конфликтов, активизации деятельности международных террористических группировок и возрастающих масштабов практики по уничтожению многовекового культурного наследия народов в рамках так называемых «культурных чисток». Актуальным аспектом исследования явилось установление новых подходов государств к защите культурного наследия как средства обеспечения международного мира и безопасности.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. В рамках публикации представлены авторские объективные оценки сложившихся международно-правовых основ, судебной практики органов международной уголовной юстиции, а также доктринальных подходов как отечественных, так и зарубежных ученых по вопросу международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов. Отдельно рассматриваются формы международно-правового сотрудничества государств

на площадке ООН в рамках профильной организации ЮНЕСКО по развитию современных нормативных и организационных основ взаимодействия компетентных органов государств по предупреждению и пресечению уничтожения культурного наследия, а также разграблению и незаконному вывозу культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, особенно террористическими группами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, международные террористические группы, культурные ценности, ЮНЕСКО, Список всемирного наследия, культурный геноцид

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пузырева Ю.В. 2023. Эволюция международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-65-83>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-65-83>

Research article
UDC: 341.3
Received: August 1, 2023
Approved: September 8, 2023

Yuliya V. PUZYREVA

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'

12, ul. Akademika Volgina, Moscow, Russian Federation, 117997

yuliya_dugina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4448-2200

THE EVOLUTION OF THE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY IN THE EVENT OF ARMED CONFLICT

INTRODUCTION. In recent decades, there has been an escalation of armed clashes in the territories of African states, the states of the Middle East and Central Asia with the participation of military formations, in-

ternational terrorist groups that everywhere use the practice of attacking and looting cultural property as a military strategy. In this regard, of scientific and practical interest is a comprehensive study of the legal and

organizational foundations of international legal regulation of the protection of cultural property during armed conflicts, evaluation of their effectiveness and identification of promising tasks for the development of additional measures and strategies for the preservation of cultural heritage, taking into account new challenges and threats.

MATERIALS AND METHODS. This paper examines the provisions of key international treaties, decisions of the main bodies and specialized agencies of the UN, which together form the existing international legal regime for the protection of cultural property in armed conflict. The author also analyzes the jurisprudence of international criminal justice bodies on bringing individuals to justice for deliberate attacks on cultural sites as part of hostilities. Special attention is paid to the study of scientific works of both domestic and foreign scientists, within which international legal concepts are formed, designed to resolve existing problems in the current international legal regulation of the issue under study, as well as to form promising concepts in the framework of the development of the doctrine of international law. The methodological basis is made up of general scientific and special research methods.

RESEARCH RESULTS. According to the results of the study, it was found that during the XX century states have consistently developed norms for the protection of cultural property from threats associated with armed conflicts, while the XXI century was marked by best practice in the application of the rules on liability for attacks on cultural property in situations of armed conflict in the activities of international justice bodies. In addition, it was determined that for the first time in the history of UN peacekeeping, the UN Security Council tested the mandate of the Multi-disciplinary Integrated Stabilization Mission in Mali, in which the peacekeeping contingent, among other things, performed the tasks of protecting, safeguarding and restoring cultural heritage sites together with UNESCO.

It seems significant to identify and generalize the prospects for the development of new international legal measures for the preservation of cultural heritage for future generations, taking into account the changing nature of armed conflicts, the intensification of the activities of international terrorist groups and the growing practice of destroying the centuries-old cultural heritage of peoples in the framework of the so-called "cultural cleansing". The topical aspect of the study was the establishment of new approaches of states to the protection of cultural heritage as a means of ensuring international peace and security.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The publication presents the author's objective assessments of the established international legal framework, judicial practice of international criminal justice bodies, as well as doctrinal approaches of both domestic and foreign scientists on the issue of international legal regulation of the protection of cultural property during armed conflicts. Separately, the forms of international legal cooperation of states at the UN site within the framework of the UNESCO profile organization for the development of modern regulatory and organizational foundations for the interaction of the competent authorities of states to prevent and suppress the destruction of cultural heritage, as well as the looting and illegal export of cultural property in the event of an armed conflict, especially terrorist groups.

KEYWORDS: international humanitarian law, armed conflict, international terrorist groups, cultural property, UNESCO, World Heritage List, cultural genocide

FOR CITATION: Puzyreva Yu.V. The evolution of the international legal regulation of the protection of cultural property in the event of armed conflict. – *Moscow Journal of International Law*. 2023. No. 4. P. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-65-83>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Среди всех гражданских объектов, нуждающихся в правовой защите во время вооруженных конфликтов, особое место принадлежит объектам, представляющим собой культурную ценность. Являясь культурным и историческим наследием человечества, они игра-

ют важную роль в сохранении многовековой самобытности, памяти, достоинства и будущего людей.

На протяжении XX в. государства последовательно вырабатывали нормы по защите культурных ценностей от угроз, связанных с военными действиями. К важным договорам в данной сфере относится Конвенция о законах и обычаях

войны 1907 г. и Положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., Женевские конвенциях 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., а также Конвенция о защите культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов 1954 г. и Протоколы к ней 1954 г. и 1999 г. С принятием в 1999 г. Второго протокола был завершен этап договорного развития международно-правовых основ защиты культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов. К этому времени произошло оформление международных обычаев и *soft law* в данной сфере межгосударственных отношений.

XXI в. был ознаменован широкой практикой применения норм об ответственности за нарушения положений о защите культурных ценностей в период вооруженных конфликтов. В 2004 г. Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) был вынесен первый в истории международной уголовной юстиции обвинительный приговор за преднамеренные нападения на объекты культурного наследия в отношении М. Йокича и в 2016 г. в рамках судопроизводства в Международном уголовном суде (МУС) был вынесен первый обвинительный приговор по делу Аль Махди за умышленное уничтожение культурных и религиозных объектов.

Кроме того, в 2013 г. в Мали после ожесточенных военных столкновений и разрушений культурных объектов, находящихся под защитой ЮНЕСКО, Совет Безопасности ООН впервые за всю историю миротворческой деятельности включил в мандат формируемой миссии задачи по защите, охране и восстановлению совместно с ЮНЕСКО объектов культурного наследия. В свою очередь ЮНЕСКО как ключевая специализированная организация ООН по вопросам образования, науки и культуры выступила флагманом по разработке новых концепций и стратегий по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта.

С расширением географии вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, в Африке и переходом на усложняющийся состав незаконных участников таких столкновений посредством вовлечения международных террористических организаций, резко возросла потребность в усилении режимов защиты культурных ценностей. Использование незаконными группировками

практики масштабного уничтожения многовекового культурного наследия народов привело к дискуссиям о формировании так называемой практики «культурных чисток» и «культурного геноцида» с целями уничтожения памяти народов, их самобытности и идентичности.

Губительные тенденции побудили государства принять под эгидой Совета Безопасности ООН в 2015 г. и в 2017 г. ряд исторических резолюций по защите культурных ценностей от последствий военных действий, в которых осуждается широкий спектр противоправных действий, посягающих на незыблемость культурного наследия во время конфликтов, без привязки к местоположению культурных ценностей и без учета статуса субъекта преступлений, который согласно нормам резолюции, может являться как запрещенной террористической организацией, так и любым другим вооруженным формированием. Историческая ценность данных резолюций в том, что они отражают глобальные изменения в отношении признания важности культурного наследия и его защиты в целях поддержания мира и безопасности, которые неотъемлемо связаны с многовековым наследием, а также определяют дальнейшие меры по сохранению культурного наследия в условиях изменяющейся природы вооруженных конфликтов.

2. Становление и развитие международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта в IX -XX в.в.

Мысли о том, что во время войны необходимо воздерживаться от разрушений памятников старины, религиозных объектов и произведений искусства возникли еще в древности. Как отмечает в своих трудах М.М. Богуславский, «первые голоса протеста против разрушений и грабежа культурных ценностей во время войны прозвучали именно в Древнем Риме в речах Цицерона» [Богуславский 2006:9].

Впервые нормы о защите культурных ценностей от нападений в вооруженных конфликтах были закреплены в Женевской конвенции о законах и обычаях войны 1899 г. и подтверждены в 1907 г. в Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны [Пузырева 2023:13]¹. Согласно

¹ Безусловно, нельзя умалять значения Брюссельской международной конференции 1874 г., созванной при поддержке русского правительства и императора Александра II, в деле кодификации норм права вооруженных конфликтов. На рассмотрение конференции российская делегация предложила проект международной конвенции

нормам Женевской конвенции 1899 г. воюющие стороны обязаны при осадах или бомбардировках принимать меры к тому, чтобы «щадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусства и благотворительности, госпитали и места, где собраны больные и раненые, под условием, чтобы таковые здания и места не служили одновременно военным целям» [Пузырева 2012:100]. Осаждаемые должны обозначать эти здания и места особыми видными знаками, о которых осаждающие должны быть заранее поставлены в известность» (ст. 27 Приложения к Конвенции 1899 г.).

Дальнейшее развитие нормы о защите культурных ценностей в период вооруженных конфликтов получили в Конвенции о законах и обычаях войны 1907 г. и Положении о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.² [Документы по международному гуманитарному праву ... 2010:28]. Однако печальный опыт Первой мировой войны, последствиями которой явились масштабные разрушения многих памятников культуры и религии на территориях ряда европейских государств, определили несовершенство действующих «гаагских положений» о законах и обычаях войны в части защиты культурного наследия. В этой связи в рамках Лиги Наций была инициирована работа по подготовке специальной конвенции в данной области. И несмотря на то, что к 1938 г. имелось два проекта таких соглашений, претворить идеи в жизнь так и не удалось.

Промежуточным этапом на пути становления международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта явился принятый в 1935 г. Вашингтонский пакт – Договор о защите учреждений, служащих целям науки и искусства,

а также исторических памятников, явившийся первым международным договором, хотя и регионального значения, специально посвященном защите культурных ценностей [Богуславский 2006:69]³. В этом Договоре содержатся общие, принципиальные положения об охране культурных ценностей (устанавливается их специальная защита, вводится регистрация и помещение на памятниках особого отличительного знака, предложенного художником, и др.) [Липников 1999:294]. Вашингтонский пакт предусматривает защиту культурных объектов как в мирное, так и в военное время [Документы по международному гуманитарному праву... 2010:35].

Огромный ущерб, нанесенный мировой культуре гитлеровскими войсками во время Второй мировой войны, обусловил необходимость дальнейшей разработки международно-правовых актов, направленных на защиту объектов, являющихся культурными ценностями. В связи с этим 14 мая 1954 г. были приняты Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (далее Конвенция 1954 г.), Исполнительный регламент Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и Протокол к Конвенции.

Гаагская конвенция 1954 г. — это первое международное соглашение универсального характера, в котором кодифицированы многие нормы, предусматривающие охрану культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Действие Конвенции распространяется как на движимые, так и на недвижимые культурные ценности. Конвенция 1954 г. не была лишена недостатков: режимы особой защиты и международного контроля оказались не столь эффективными; положения договора о защите были «затмеваемы» положениями Дополнительных протоколов 1977 г.

о законах и обычаях войны, автором которой был российский публицист, ученый, дипломат, профессор Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Мартенс. Представляет научный интерес положение ст.ст. 6 и 8 проекта, согласно которым оккупационной армии предписывалось обязательство не захватывать собственность церквей, богоугодных и учебных заведений, всех учреждений, посвященных научным, художественным и человеколюбивым целям. Всякое умышленное разрушение или захват подобных учреждений, памятников, художественных произведений или научных хранилищ преследуется подлежащею властью. К сожалению, Брюссельская конференция 1874 г. в силу ряда причин политического характера не привела к принятию соответствующего международного соглашения. Российский проект был принят лишь в форме декларации, хотя в заключительном протоколе конференции признавалась важность кодификации законов и обычаев войны. См. подробнее: [Мартенс 1879].

² Так, ст. 27 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, закрепляет, что: «При осадах и бомбардировках должны быть приняты все необходимые меры к тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники... при условии, чтобы таковые здания и места не служили одновременно военным целям. Осаждаемые обязаны обозначить эти здания и места особыми видимыми знаками, о которых осаждающие должны быть заранее поставлены в известность».

³ Он вошел в историю под названием «Пакта Рериха», по имени известного русского художника Николая Рериха, поскольку в его основу был положен предложенный им проект конвенции о защите памятников культуры.

по данной проблематике, равно как и санкции, предусмотренные за нарушение норм по защите культурных ценностей; кроме того, отсутствие запрета на несанкционированные археологические раскопки оккупирующей державой было обозначено как серьезное упущение [O'Keefe 2009:236-301].

Эти обстоятельства в совокупности с изменениями в характере военных действий, проявившимися в вооруженных конфликтах во второй половине XX в., и особенно на Балканах в бывшей Югославии, привели к необходимости совершенствования ряда положений Конвенции 1954 г. путем принятия в 1999 г. Второго протокола⁴. По мнению ученых, именно Второй протокол придал ясность и четкость Конвенции 1954 г. [Solis 2021:579].

Кроме указанных международных договоров нормы о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта нашли также отражение в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г. В частности, ст. 53 Дополнительного протокола I и ст. 16 Дополнительного протокола II посвящены защите культурных ценностей и мест отправления культа в период вооруженных конфликтов соответственно международного и немеждународного характера.

Представляется целесообразным остановиться на рассмотрении ключевых положений защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, содержащихся в положениях указанных договоров посредством анализа предоставляемых правовых режимов защиты, от которых зависят меры, принимаемые государствами в рамках уважения и охраны культурных ценностей.

В первую очередь проведем анализ положений Конвенции 1954 г. и Второго Протокола к ней 1999 г., которые регламентируют реализацию трех режимов защиты культурных ценностей: общая защита, специальная защита и усиленная защита [Батырь 2023: 109-112; Липников 1999: 296].

Общая защита. Всем объектам, рассматриваемым Конвенцией 1954 г. как культурные ценности, должна быть обеспечена как минимум общая защита. Согласно ст. 1 анализируемого договора «культурными ценностями считаются независимо от их происхождения и владельца ценности, движимые или недвижимые, имеющие большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения...» и т. д., а также «здания, предназначенные для сохранения или экспонирования движимых культурных ценностей, такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов...» и пр., а также так называемые центры сосредоточения культурных ценностей⁵. Таким образом, защите подлежат, с одной стороны, гражданские объекты, сами по себе являющиеся культурными ценностями, а с другой стороны, объекты, в которых хранятся или экспонируются культурные ценности.

Необходимо отметить, что в доктринальных источниках [Фриго 2004:67-80; Молчанов 2000:20-27], правовых актах используются различные термины, имеющие отношения к рассматриваемой в статье тематике: культурные ценности (cultural property)⁶, культурные объекты (cultural objects)⁷, культурное наследие (cultural heritage)⁸. В задачи статьи не входят вопросы разграничения категориально-понятийно аппарата по предмету исследования, поэтому ключевым термином будет выступать «культурные ценности», синонимом которого в авторском понимании выступает термин «культурные объекты» особенно при переводе документов и материалов на русский язык.

Отметим, что в анализируемой Конвенции 1954 г. содержится общее понятие «защиты», которое включает в себя два самостоятельных элемента: охрану и уважение (ст. 2). Согласно ст. 3 под «охраной» следует понимать комплекс мероприятий, предназначенных для сохранения культурных ценностей. Речь прежде всего идет об

⁴ Протокол 1999 г. вступил в силу 9 марта 2004 г. после того, как Коста-Рика присоединилась к этому договору, став 20 государством, подписавшим Протокол. Российская Федерация не является участницей Второго протокола к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.

⁵ В качестве этих центров могут выступать часть города и даже целый город, как, например, Венеция или Суздаль.

⁶ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г.

⁷ Unidroit convention on stolen or illegally exported cultural objects 1995.

⁸ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1970 г., Конвенция об охране подводного культурного наследия 2001 г.

обязательстве каждого государства подготовить еще в мирное время охрану таких ценностей, расположенных на его собственной территории, от возможных последствий вооруженного конфликта. В основе этого обязательства лежит концепция, заключающаяся в том, что культурное наследие и его охрана являются предметом озабоченности всего международного сообщества, поэтому страна, обладающая такими культурными ценностями, несет обязательство, или даже отвечает перед этим сообществом за охрану таких ценностей [Джири 2005:64].

Конвенция 1954 г. оставляет за каждым ее участником свободу широкого выбора мер, которые он пожелает принять для охраны культурных ценностей на своей территории⁹. Под «уважением» культурных ценностей, согласно нормам Конвенции 1954 г., понимается обязательство каждого государства запрещать использование культурных ценностей в целях, которые могут привести к их разрушению или повреждению в случае вооруженного конфликта, а также воздержание от какого-либо враждебного акта, направленного против этих ценностей (ч. 1 ст. 4)¹⁰.

Согласно условиям ч. 5 ст. 4 Конвенции 1954 г. договаривающиеся стороны не могут освобождаться от обязательств, связанных с уважением культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, основываясь на том, что неприятельская сторона в конфликте не приняла мер по охране, предусмотренных в ст. 3 Конвенции 1954 г.

Специальная защита. Режим специальной защиты предоставляется культурным ценностям путем внесения их в «Международный реестр культурных ценностей, находящихся под специальной защитой» (ч. 6 ст. 8 Конвенции 1954 г.). В соответствии с Гаагской конвенцией 1954 г.

«под специальную защиту может быть взято ограниченное число укрытий, предназначенных для сохранения движимых культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, центров сосредоточения культурных ценностей и других недвижимых культурных ценностей, имеющих очень большое значение» (ст. 8). Эта же норма определяет условия предоставления такой защиты, которые в некоторой степени усложняют процедуру получения иммунитета от возможного нападения. Так, например, согласно ст. 8 Конвенции 1954 г., защищаемые ценности должны находиться *на достаточном расстоянии* (выделено автором) от крупного индустриального центра или любого важного военного объекта, представляющего собой уязвимый пункт, например, аэродром, радиостанция, предприятие, работающее на национальную оборону, порт, значительная железнодорожная станция или важная линия коммуникации. К сожалению, положения договора не уточняют понятие «достаточное расстояние» и не закрепляют общий критерий, который позволил бы определить, о каком именно расстоянии идет речь¹¹. Как отмечает Т. Джири, именно поэтому из десятков тысяч памятников, находящихся под охраной государства, лишь немногие могут пользоваться специальной защитой при условиях, установленных Конвенцией 1954 г. [Джири 2005:119].

Усиленная защита. Глава 3 Второго протокола 1999 г. предусматривает режим усиленной защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, который применяется к культурным ценностям, занесенным в Международный список культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой (далее Список). Критерии, предусмотренные Вторым Протоколом 1999 г.

⁹ Представляется, такой принцип внутренней свободы действий позволит каждому государству организовывать охрану культурных ценностей с учетом его финансовых, материальных и технических ресурсов путем составления списка приоритетов и принятия решения, какие меры следует осуществлять в каждом отдельном случае. Таким образом, Конвенция 1954 г. обязует государства принимать меры, но оставляет за ними свободу выбора этих мер.

¹⁰ Кроме того, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются: 1) запрещать использование культурных ценностей, сооружений для их защиты и непосредственно прилегающих к ним участков в целях, которые могут привести к разрушению или повреждению этих ценностей в случае вооруженного конфликта; 2) воздерживаться от какого-либо враждебного акта, направленного против культурных ценностей; 3) запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые акты вандализма в отношении культурных ценностей; 4) запрещать реквизицию движимых культурных ценностей, расположенных на территории другой Договаривающейся Стороны; 5) воздерживаться от принятия любых репрессивных мер, направленных против культурных ценностей (ч. 3 ст. 4 Конвенции 1954 г.).

¹¹ На это обращалось внимание в докладе Советского Союза о применении положений Конвенции. Большинство памятников, связанных со специальной защитой, расположены в крупных городах (Москве, Ленинграде, Киеве, Риге, Таллине и других), которые одновременно являются крупными городскими, политическими и индустриальными центрами и центрами коммуникаций.

для включения объектов в Список менее строго, чем для внесения в Международный реестр культурных ценностей, находящихся под специальной защитой.

Несомненным достоинством Второго протокола является то, что он не вводит критерий «военной необходимости» как условия для потенциального нападения на объекты, находящиеся под усиленной защитой. Так, согласно ст. 13 Протокола 1999 г. утрата культурными ценностями усиленной защиты допустима в рамках сложных правовых и процессуальных процедур и с привлечением Генерального секретаря ООН и Генерального директора ЮНЕСКО.

При этом согласно Конвенции 1954 г. защита культурных ценностей, находящихся под общей защитой, в случае вооруженного конфликта может быть прекращена, если «военная необходимость» настоятельно потребует такого разрушения» (ч. 2 ст. 4 Конвенции 1954 г.)¹². Согласно ст. 11 Конвенции 1954 г. лишение иммунитета культурных ценностей под специальной защитой допустимо среди прочего в случаях «неизбежной военной необходимости». Необходимо отметить, что определения различным проявлениям военной необходимости в положениях анализируемого договора отсутствуют. Компенсирует данный пробел ст. 6 Второго Протокола 1999 г., содержащая четко определенные условия, допускающие отступления от обязательств уважения культурных ценностей в соответствии с нормами Конвенции 1954 г. о военной необходимости.

Как представляется, оговорка о военной необходимости снижает эффективность Конвенции 1954 г. в целом, а оговорка о военной необходимости в контексте специальной защиты представляется еще более серьезным упущением, так как она создает впечатление, что «одной рукой можно на законных основаниях забрать то, что было дано другой в отношении исключительно небольшого числа культурных ценностей, имеющих очень большое значение» [Джири 2005:156].

В этой связи режим усиленной защиты культурных ценностей обладает более высокими параметрами по сравнению с общим, и со специальным режимом, поэтому будет предоставлять более эффективную защиту культурным ценностям в случае вооруженного конфликта. По состоянию на август 2023 г. участниками Протокола 1999 г. являются 86 государств¹³.

Дополнительными протоколами 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. предусмотрено два режима защиты гражданских объектов: общий режим и специальный режим¹⁴.

Общий режим предоставляется всем гражданским объектам в соответствии со ст. 48 Дополнительного протокола I, обязывающей стороны в конфликте проводить различие между гражданскими и военными объектами, и ч. 1 ст. 52 Дополнительного протокола I, предусматривающей защиту гражданских объектов от нападений и репрессалий. Полагая, что ни у кого не возникнет сомнений в «гражданском характере» культурных ценностей, считаем возможным применять положения ст. 48 и ст. 52 Дополнительного протокола I к культурным ценностям, как они определены в ст. 1 Конвенции 1954 г.

Специальный режим. В ст. 53 Дополнительно-го протокола I и ст. 16 Протокола II 1977 г. закреплены нормы о специальной защите культурных ценностей и мест отправления культа, а именно «исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов».

Международно-правовые основы защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов представлены не только договорными источниками, но и международными обычаями, которые также сложились в исследуемой области. В известном труде Ж.-М. Хенкертс и Л. Досвальд Бек «Обычное гуманитарное право» выделены следующие универсальные обычные положения, касающиеся защиты культурных

¹² Положение о военной необходимости, внесенное в текст под давлением США и Великобритании, которые определили его принятие непременным условием своего участия.

¹³ Second Protocol to the Hague Convention of 1954 for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict The Hague, 26 March 1999. States party to the main treaties. International Humanitarian Law Databases. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-prot-1999/state-parties?activeTab=default> (accessed 10.07.2023).

¹⁴ И хотя в Дополнительном протоколе II не предусмотрено статьи, посвященной общей защите гражданских объектов как таковых, мы будем исходить из того, что все же оба Протокола предусматривают два вида защиты гражданских объектов.

ценностей: уважение и защита культурных ценностей каждым участником конфликта; запрет на использование особо значимых культурных объектов в военных целях, которые ставят их защиту под угрозу; правило, что в случае оккупации территории не допускать незаконного вывоза культурных ценностей, а также контролировать возвращение таких ценностей при выявлении случаев их незаконного вывоза [Henckaerts, Doswald-Beck 2005:127-138].

Изучая вопросы международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов, необходимо подчеркнуть вклад ЮНЕСКО в данные процессы и особо выделить принятую в 1972 г. Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия, нормами которой заложены обязательства государств по формированию *Списка всемирного наследия человечества*¹⁵. Данный список пополняется за счет представления государствами-участниками соглашения Комитету всемирного наследия¹⁶, учрежденному в соответствии с положениями раздела III рассматриваемой конвенции, перечня ценностей культурного и природного наследия, расположенных на его территории для включения. Этот перечень, который не следует считать исчерпывающим, должен содержать документацию относительно места расположения данных ценностей и представляемого ими интереса (ч. 1 – 2 ст. 11 Конвенции 1972 г.)¹⁷. В настоящее время в данном списке представлены 1157 объектов недвижимости, 43 из которых являются смешанными объектами¹⁸, из 167 государств-участников Конвенции 1972 г.¹⁹

Представляет интерес положения ст. 11 Конвенции 1972 г., в соответствии с которыми Комитет составляет, обновляет и публикует, когда

этого требуют обстоятельства, Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, в который входят ценности, фигурирующие в Списке всемирного наследия, для спасения которых требуются значительные работы и для которых в рамках настоящей Конвенции была запрошена помощь. В этот список могут включаться только ценности культурного и природного наследия, которым угрожают серьезные и конкретные опасности, как, например, угроза исчезновения вследствие прогрессирующего разрушения, стихийные бедствия и катаклизмы, *опасность вооруженных конфликтов* (выделено автором) и другие угрозы (ч. 4 ст. 11 Конвенции 1972 г.)²⁰.

Согласно информации с официального сайта ЮНЕСКО, данный список не является обособленным. Можно отметить, что он «внедрен» в общий Список всемирного наследия человечества, и его объекты выделены специальным опознавательным знаком – красным ромбом. В настоящее время к объектам всемирного наследия, находящихся под угрозой исчезновения вследствие военных действий, относятся объекты, расположенные на территории Сирийской Арабской Республики (древний город Дамаск, древний город Босра, достопримечательности Пальмиры, древний город Алеппо, Кавалерийский замок и Калат Салах Эль-Дин, древние деревни Северной Сирии), на территории Афганистана (Минарет и археологические остатки Джема, Культурный ландшафт и археологические остатки долины Бамиан) и др.

Примечательно, что 25 января 2023 г. список таких объектов пополнился: на очередном заседании Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО «Исторический центр Одессы» был признан как культурный объект, находящийся под угрозой вследствие военных действий²¹. Данное решение

¹⁵ UNESCO: World Heritage List. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/?lother=ru&> (accessed 10.07.2023).

¹⁶ При Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры учреждается Межправительственный комитет по охране культурного и природного наследия всеобщего выдающегося значения, называемый «Комитетом всемирного наследия» (ст. 8 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.).

¹⁷ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Доступ: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁸ Как например, Куршская коса (Россия, Литва). См. подробнее: UNESCO: Curonian Spit URL: <https://whc.unesco.org/en/list/994> (accessed 10.07.2023).

¹⁹ В данный список от Российской Федерации включены такие объекты, как: Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников, Кремль и Красная площадь, Культурно-исторический ансамбль Соловецких островов, Исторические памятники Новгорода и окрестностей, Белые памятники Владимира и Суздаля, Петроглифы Онежского озера и Белого моря и др.

²⁰ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Доступ: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 10.07.2023).

²¹ UNESCO: The Historic Centre of Odesa. URL <https://whc.unesco.org/en/list/1703/documents/> (accessed 10.07.2023).

позволяет властям Украины обращаться за международной технической и финансовой поддержкой в целях сохранения и защиты объекта, а также для его восстановления. В подготовительных для рассмотрения документах Украина заявила, что в связи с военной агрессией России против Украины в настоящее время назрела неизбежная необходимость включения исторического центра Одессы в Список всемирного наследия, так как город может подвергнуться ракетным ударам, в результате которых будет разрушена историческая идентичность, архитектурная среда и культурное наследие²².

Необходимо отметить, что внесение Исторического центра Одессы в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, было проведено экспертами в соответствии с ускоренной процедурой - чрезвычайной процедурой, предусмотренной Оперативным руководством по выполнению Конвенции о всемирном наследии 1972 г., которая, однако, по мнению наших юристов, была нарушена²³. Так, летом 2022 г. по инициативе Италии под эгидой ЮНЕСКО была создана группа экспертов из Украины, Италии, Греции для подготовки необходимых документов по внесению объекта в соответствующую номинацию. В октябре 2022 г. Президент Украины В. Зеленский посредством видеообращения к ЮНЕСКО заявил об официальной подаче заявки, что позволило оценочным органам начать изучение подготовленных документов. Как результат, через несколько месяцев Комитет всемирного наследия принял решение о включении исторического центра Одессы в Список всемирного наследия вопреки тому, что данная заключительная сессия носила технический характер,

а вопрос по Украине при поддержке европейских стран и Японии был вынесен на обсуждение в пункт повестки «Разное», в котором фигурируют, как правило, не самые важные вопросы. Показательно и то, что две трети государств-членов Комитета не поддержало такую резолюцию, поскольку решение «по Одессе» было принято всего 6 голосами из 21. При этом при голосовании 14 государств воздержались, Российская Федерация выступила против.

Данное решение было охарактеризовано МИД России как политически мотивированное и не подкрепленное необходимой экспертизой²⁴. У российской стороны были значительные претензии к подготовленным документам. В рамках комментария по принятому решению временно исполняющая обязанности постоянного представителя РФ при ЮНЕСКО Т.Е. Довгаленко отметила, что «досье частями было списано с открытых источников, туристических справочников... Ни культурных паспортов памятников, ни архивных документов, ни научных публикаций по теме там не было. К тому же много претензий к украинской заявке было и у Международного совета памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), а это консультативный орган ЮНЕСКО... Киев утаил от Комитета информацию о варварском сносе памятников монументального искусства в границах объекта в рамках декоммунизации²⁵, отказался предоставить запрошенные консультативными органами дополнительные сведения, ссылаясь на военную тайну. Пытался оказывать давление на независимых экспертов, обвиняя их в политизации и пророссийской позиции только лишь за упоминание Екатерины II как основательницы

²² Ministry of culture and information policy of Ukraine: The historic center of the port city of Odesa Nomination file. Nomination dossier for inscription on the World Heritage List. 2022. P. 7, 10. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1703/documents/> (accessed 10.07.2023).

²³ Одесса включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в связи с угрозой разрушения. – *Официальный сайт ЮНЕСКО*. 25.01.2023. Доступ: <https://www.unesco.org/ru/articles/odessa-vklyuchena-v-spisok-vsemirnogo-naslediya-yunesko-v-svyazi-s-ugrozoy-razrusheniya> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁴ О включении исторического центра Одессы в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, находящегося под угрозой. – *Официальный сайт МИД России*. 25.01.2023. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1849774/ (дата обращения: 10.07.2023).

²⁵ В конце декабря 2022 г. в Одессе в рамках закона о декоммунизации по решению горсовета демонтировали памятник основателям города: Императрице Екатерине II и её сподвижникам - Иосифу Дерибасу, Плутону Зубову, Францу де Воллану, Григорию Потёмкину, а также памятник Генералиссимусу Александру Суворову, которые, как отмечает МИД России, были неотъемлемой частью векового исторического наследия и архитектурного ансамбля. В начале января 2023 г. была повреждена часовня Чудотворного Образа Христа Спасителя в Одессе, уничтожены фрески с иконами царя-страстотерпца Николая II и праведного воина Федора Ушакова. В течение последних нескольких лет происходили обрушения частей ряда исторических зданий, расположенных в границах номинации или ее буферной зоны.

города. Ни один из научно обоснованных контраргументов о необходимости доработки до-сье на заседании Комитета услышан не был»²⁶. Кроме того, согласно заявлению МИД России, на заседании Комитета не получили осуждения решения украинских властей по размещению и использованию военных объектов и вооружения в портовой зоне Одессы²⁷.

Данный конкретный случай отражает возможности внешней политики по влиянию на результаты международного правоприменения.

Завершая рассмотрение вклада ЮНЕСКО в формирование международно-правовых основ и концепций по защите культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов, отметим принятую в 2015 г. Стратегию укрепления деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта²⁸. В задачи Стратегии входит разработка механизма по снижению ситуаций незащищенности культурных ценностей на всех этапах вооруженных конфликтов, а также в период мирного времени, когда государствам предписано принимать ряд превентивных мер по защите таких объектов. В Стратегии выработаны конкретные предложения для успешной реализации приоритетных мероприятий под эгидой ЮНЕСКО.

3. Актуальные тенденции международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта в XXI в.

Современный период следует охарактеризовать как этап принятия исторических решений в рамках изучаемого в статье вопроса. Первый в истории международного уголовного судопроизводства обвинительный приговор за преднамеренные нападения на объекты культурного наследия был вынесен в 2004 г. Международным трибуналом по бывшей Югославия (МТБЮ)²⁹ в отношении М. Йокича³⁰. Подсудимый был командующим 9-м военно-морским сектором югославских ВМС и нес ответственность за нападение на южный хорватский город Дубровник и прилегающие районы в конце 1991 г.³¹ Солдаты под его командованием обстреляли Старый город Дубровника, объект Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, в результате чего двое мирных жителей были убиты и трое ранены. Кроме того, в результате военных атак был причинен невосполнимый ущерб объектам религиозного, научного, образовательного, культурного и благотворительного значения, а также историческим памятникам³². Как отмечено на сайте МТБЮ, будучи командующим и одним

²⁶ Интервью Врио Постпреда Т.Е. Довгаленко телеканалу «Россия-24» в связи с включением Одессы в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. 26 января 2023 г. – *Постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО*. 26.01.2023. Доступ: https://russianunesco.mid.ru/ru/press_service/news/intervyu_t_e_dovgalenko_rossiya_24_v_svyazi_s_vklyucheniem_odessy_v_unesco/ (дата обращения: 10.07.2023).

²⁷ О включении исторического центра Одессы в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, находящегося под угрозой. – *Официальный сайт МИД России*. 25.01.2023. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1849774/ (дата обращения: 10.07.2023).

²⁸ ЮНЕСКО: Укрепления деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта. Генеральная конференция 38-я сессия, Париж 2015 г. Доступ: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235186_rus (дата обращения: 13.07.2023).

²⁹ Для завершения работы МТБЮ, а также МУТР (Международного трибунала по Руанде) резолюцией Совета Безопасности ООН 1966 S/RES/1966 (2010) от 22 декабря 2010 г. был создан Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов в качестве «небольшой, временной и эффективной структуры». Механизм начал функционировать 1 июля 2012 г. в Аруше (Объединенная Республика Танзания) и 1 июля 2013 г. в Гааге (Нидерланды). Арушское отделение унаследовало функции от МУТР, а Гаагское отделение – от МТБЮ. В первые годы существования Механизма он действовал параллельно с МУТР и МТБЮ. После закрытия МУТР (31 декабря 2015 г.) и МТБЮ (31 декабря 2017 г.) Механизм продолжал функционировать как самостоятельное учреждение. See: UN: Mechanism for International Criminal Tribunals. URL: <http://www.unmict.org/en/about> (accessed 10.07.2023).

³⁰ В отдельных трудах ученых отмечено, что приговор Международного военного трибунала в отношении одного из главных идеологов нацизма А. Розенберга явился одним из первых результатов правоприменительной практики международных судебных учреждений в отношении посягательств на культурные ценности в условиях вооруженного конфликта. Вместе с тем полагаем, что данное мнение не может быть однозначным с учетом того, преступление в виде нападения на культурные ценности не было отдельно включено в Устав МВТ, поэтому А. Розенберг был признан виновным в совершении военного преступления в виде разграбления общественной и частной, в том числе культурной, собственности. См. подробнее: [Арутюнян 2017: 118-132; Батырь 2023:98-118].

³¹ См. подробнее: [Гришин 2014 359-365].

³² International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: Judgement in the case the Prosecutor V. Miodrag Jokic URL: https://www.icty.org/x/cases/miodrag_jokic/tjug/en/040318_Jokic_Miodrag_summary_en.pdf (accessed 10.07.2023).

из высокопоставленных офицеров армии Югославии, М. Йокич не принял необходимых мер для предотвращения или прекращения обстрела, или последующего наказания или привлечения к дисциплинарной / уголовной ответственности виновных лиц³³.

В 2001 г. М. Йокич добровольно сдался Трибуналу, признал свою вину в связи с бомбардировкой Дубровника, а также активно сотрудничал с Трибуналом и участвовал в политической деятельности, направленной на содействие мирному урегулированию конфликтов в регионе. М. Йокич в 2003 г. был приговорен к 7 годам тюремного заключения и в 2008 г. досрочно освобожден³⁴.

Не менее важное решение было вынесено еще одним органом международной уголовной юстиции – Международным уголовным судом (МУС) – в рамках производства по делу в Республике Мали³⁵. Ситуация была передана в Суд правительством Мали в июле 2012 г. и касалась расследования предполагаемых военных преступлений, совершенных с января 2012 г., главным образом в трех северных регионах - Гао, Кидале и Тимбукту, причем инциденты происходили также на юге, в Бамако и Севаре. В докладе, представленном Канцелярией Прокурора, указывается, что в январе 2012 г. на севере страны произошло восстание, в результате которого северные регионы были захвачены вооруженными группами, которые в дальнейшем совершили государственный переворот. Военные действия сопровождались преднамеренным нанесением ущерба мусульманским святыням в городе Тимбукту, нападениями на военные базы в Гао, Кидале и Тимбукту, предполагаемой казнью от 70 до 153 заключенных в Агуэлхоке, а также случаями мародерства и изнасилования. Отдельно сообщалось о случаях пыток и насильственных исчезновений в контексте военного переворота.

В рамках данного дела одним из подозреваемых был Аль Махди, которого МУС единогласно признал виновным в качестве соучастника военного преступления, заключающегося в руководстве преднамеренными нападениями на религиозные и исторические здания в Тимбукту (Мали) в июне и июле 2012 г. во время разгоревшегося внутреннего вооруженного конфликта. В контексте изучения вопроса необходимо указать, что на момент совершения нападений Аль Махди стоял во главе полиции «Хизба» - одной из четырех административных структур радикальной группировки «Ансар-ад-Дин», которая связана с подразделением «Аль-Каиды»³⁶ в странах исламского Магриба³⁷. В его обязанности входила борьба с действиями, противоречащими законам ислама. Как заявил обвиняемый после вынесения приговора: «Я считал себя лишь звеном в административной цепи и полагал, что за последствия должны отвечать те, кто принял решение и дал приказ. Я совершенно точно знал, что если не выполню приказание, то меня отправят в отставку...»³⁸.

МУС признал, что объекты нападения были не только религиозными сооружениями, но и имели символическую и духовную ценность для жителей Тимбукту. Мавзолеи святых и мечети Тимбукту были неотъемлемой частью религиозной жизни местного населения и составляли общее наследие общины. Они отражали их приверженность исламу и играли существенную психологическую роль, поскольку воспринимались как защищающие народ Тимбукту. Их уничтожение несло в себе послание ужаса и беспомощности; разрушило часть общей памяти человечества и коллективного сознания, в целом, лишив человечество возможности передавать свои ценности и знания будущим поколениям. Кроме того, все объекты, кроме одного, были объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО³⁹.

³³ International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: «DUBROVNIK» (IT-01-42/1) Miodrag Jokić. URL: https://www.icty.org/x/cases/miodrag_jokic/cis/en/cis_jokic_en.pdf (accessed 10.07.2023).

³⁴ International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: Miodrag Jokić URL: <https://www.icty.org/en/content/miodrag-jokic> (accessed 10.07.2023).

³⁵ ICC: Situation in the Republic of Mali.. URL: <https://www.icc-cpi.int/mali> (accessed 10.07.2023).

³⁶ Запрещенная в Российской Федерации международная террористическая организация.

³⁷ В начале 2012 г. эта группировка оккупировала север Мали, а в апреле она расположила свой штаб в Тимбукту после того, как изгнала из города бойцов Национального движения за освобождение Азавада (НДОА).

³⁸ См. подробнее: Ахмед аль-Факи аль-Махди: «Признаю себя виновным». – *Курьер ЮНЕСКО*. 2017. Октябрь-декабрь. Доступ: <https://ru.unesco.org/courier/oktyabr-dekabr-2017-g/ahmed-al-faki-al-mahdi-priznayu-sebya-vinovnym> (дата обращения: 10.07.2023).

³⁹ UNESCO: Timbuktu. World Heritage List // URL: <https://whc.unesco.org/en/list/119/lother=ru> (accessed: 10.07.2023).

Таким образом, нападения на них представляются особенно серьезными, поскольку их разрушение затрагивает не только непосредственных жертв преступлений, но и все население Мали и международное сообщество в целом⁴⁰.

Как было отмечено, в 2016 г. МУС вынес обвинительный приговор в отношении Аль Махди с привлечением его к 9 годами лишения свободы за нападения на объекты культурного наследия на территории Мали, квалифицировав эти деяния как военные преступления. Среди ученых имеют место дискуссии по вопросу представленной квалификации совершенных преступлений. Так, отдельные эксперты полагают, что в деле Аль Махди Суд не смог точно установить наличие на территории Мали ситуации, которую следует охарактеризовать как вооруженный конфликт немеждународного характера в соответствии с нормами Дополнительного протокола II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Отсутствие такой квалификации складывающейся ситуации не позволяет применять ст. 8 Римского статуса МУС о военных преступлениях. В то время, как ситуация в Мали «не препятствовала квалификации нападений на культурные ценности как преступлений против человечности... В соответствии как с обычным международным правом, так и Римским статутом, нападение на культурные ценности может рассматриваться и как преступление против человечности в виде преследования» [Арутюнян 2017:131-132]. Вместе с тем, в рамках действующих международных судебных решений по делу Аль Махди следует вести речь именно о военном преступлении. К тому же концептуальные существенные признаки такой категории международных преступлений, как преступления против человечности, подробно изложены в трудах юриста-международника Глотовой С.В. [Глотова 2016:36-49]. С учетом сформулированной автором концепции нападения на культурные ценности в условиях вооруженных конфликтов сложно квалифицировать как преступления против человечности.

В 2017 г. в рамках рассмотрения дела на его завершающей стадии Судебная камера МУС вынесла постановление о возмещении Аль Махди расходов в размере 2,7 миллиона евро в рамках индивидуальных и коллективных выплат общине Тимбукту⁴¹. Представляет интерес судебное обоснование распределения суммы между потерпевшими.

Так, сумма компенсации была сформирована из необходимости выплат трех категорий ущерба. Первая категория представляла собой возмещение ущерба, нанесенного подвергшимся нападению историческим и религиозным зданиям, последующий экономический ущерб и моральный вред. В данном аспекте возмещение должно быть коллективным для восстановления объектов и для общины Тимбукту в целом в связи с финансовыми потерями, а также эмоциональными переживаниями, понесенными в результате совершенного нападения. Выплаты также должны включать в себя символические меры – такие как церемония прощения – для публичного признания морального вреда, причиненного общине Тимбукту и тем, кто в ней состоит. И, наконец, была удостоверена необходимость выплаты индивидуальных компенсаций тем лицам, чьи средства к существованию и доходы зависели исключительно от подвергшихся нападению зданий, а также лицам, чьи места захоронения предков были повреждены в результате нападения⁴². Ввиду того, что Аль Махди был признан неимущим гражданином, бремя выплат было возложено на Целевой фонд для потерпевших (МУС).

Дело Аль Махди в МУС явилось первым международным судебным разбирательством, посвященным рассмотрению преступлений, связанных с уничтожением исторических и религиозных памятников, и первым делом в производстве МУС, по которому обвиняемый признал свою вину. В рамках последнего аспекта необходимо отметить, что в ходе судебного разбирательства в 2016 г. Аль Махди признал свою вину

⁴⁰ ICC: Summary of the Judgment and Sentence in the case of The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi. URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/itemsDocuments/160926Al-MahdiSummary.pdf> (accessed 10.07.2023).

⁴¹ ICC: Public redacted Judgment on the appeal of the victims against the «Reparations Order». ICC-01/12-01/15-259-Red2. 08 March 2018. The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi. Situation in the Republic of Mali. URL: <https://www.icc-cpi.int/court-record/icc-01/12-01/15-259-red2> (accessed 10.07.2023).

⁴² ICC: Al Mahdi case: ICC Trial Chamber VIII issues reparations order. Press Release: 17 August 2017. URL: <https://www.icc-cpi.int/news/al-mahdi-case-icc-trial-chamber-viii-issues-reparations-order> (accessed 10.07.2023).

в совершенных преступлениях и призвал «всех мусульман мира никогда не совершать подобных действий, поскольку они ничем не оправданы, не несут никакой пользы, но приводят к ужасающим последствиям»⁴³.

События, произошедшие в Мали, связанные с разрушениями культурных ценностей, находящихся под защитой ООН, определили дальнейший ход развития правоприменения в контексте защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов. Так, на основании Резолюции Совета Безопасности ООН 2085 (2012) от 20 декабря 2012 г. «Ситуация в Мали» была учреждена Международная миссия по поддержке в Мали (АФИСМА) под руководством Африканского союза и Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), в мандат которой среди прочего входили задачи по поддержке усилий МУС в рамках расследования возбужденных дел в связи с событиями на севере Мали, разрушениями культурных объектов и привлечения виновных лиц к ответственности. В 2013 г. в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН S/RES/2100 (2013) от 25 апреля 2013 г. эта миссия была преобразована в Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА). В мандат вновь учрежденной миссии были включены задачи по взаимодействию с экспертами ЮНЕСКО в рамках сохранения культуры Мали и оказания переходным властям Мали по мере необходимости и возможности помощи в охране культурных и исторических объектов в Мали от агрессивных действий.

Сотрудники миссии МИНУСМА обеспечивали порядок и безопасность при проведении восстановительных работ экспертами ЮНЕСКО в целях усиления защиты объектов Тимбукту,

Гробницы Аскии и Древних городов Дженне, внесенных в Список всемирного наследия⁴⁴. В настоящее время МИНУСМА находится на стадии своего сворачивания, контингент должен покинуть страну до 30 декабря 2023 г.⁴⁵

Разворачивающиеся масштабные конфликты на территории Сирии, Ливии, ряда африканских государств и государств Ближнего Востока сподвигнули мировое сообщество на пересмотр международно-правовых подходов к защите культурных ценностей в случае военных действий. В складывающихся обстоятельствах и при растущих террористических угрозах культурные ценности становятся не только объектом незаконных нападений и разрушений, но и предметом торговли и незаконного оборота с целями извлечения вооруженными формированиями доходов для продолжения нелегальной военной и террористической деятельности. Реакцией мирового сообщества, в первую очередь Организации Объединенных Наций (далее ООН), явилось принятие, как отмечает Фьянкан-Баконга К., «исторической резолюции для защиты культурного наследия» [Фьянкан-Баконга 2017] - резолюции 2199(2015) Совета Безопасности ООН от 12 февраля 2015 г., в которой осуждаются наиболее опасные источники доходов всех преступных групп и формирований, в числе которых впервые определена торговля культурным наследием из Ирака и Сирии⁴⁶.

Необходимо отметить, что данная резолюция была принята при поддержке и по инициативе Российской Федерации, которая предложила комплексный подход для пресечения потоков незаконных доходов различных террористических групп из Ирака, Сирии и других стран Ближнего Востока: это и нефтяной бизнес террористов, похищение заложников с целью получения выкупа,

⁴³ См. подробнее: Ахмед аль-Факи аль-Махди: «Признаю себя виновным». – *Курьер ЮНЕСКО*. 2017. Октябрь-декабрь. Доступ: <https://ru.unesco.org/courier/oktyabr-dekabr-2017-g/ahmed-al-faki-al-mahdi-priznayu-sebya-vinovnym> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴⁴ Assistance internationale d'urgence pour la protection renforcée des biens « Tombouctou » le « Tombeau des Askia » et les « Villes anciennes de Djenné » inscrits sur la Liste du patrimoine mondial de l'UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/intassistance/2477> (accessed: 10.07.2023).

⁴⁵ UN: Resolution 2690 (2023) adopted by the Security Council at its 9365th meeting, on 30 June 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4014208> (accessed 10.07.2023).

⁴⁶ ООН: Резолюция 2199 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7379-м заседании 12 февраля 2015 г. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/040/31/PDF/N1504031.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.07.2023).

и торговля украденными культурными ценностями. Такого рода сделки должны решительно пресекаться⁴⁷.

С сожалением необходимо отметить невосполнимый урон культурному наследию народа Сирии, который причинили силы ИГИЛ⁴⁸ [Mahnad 2017: 1037-1074]. В частности, речь идет о разрушениях памятников в Пальмире, Алеппо, включенных ЮНЕСКО в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Как справедливо отметила И. Бокова⁴⁹, нападения в Сирии, совершенные Исламским государством⁵⁰, были похожи на уничтожение рукописей исламистскими боевиками в Мали в 2013 г. и подрыв талибами статуй Будды в Бамиане, Афганистан⁵¹. Масштабы и системность разрушений исламистскими террористическими группировками исторически и культурно значимых объектов в течение нескольких лет конфликта в Сирии квалифицированы отдельными специалистами как «культурная чистка»⁵². В частности, по мнению С.А. Егорова, «уничтожение культурных ценностей и объектов культурного наследия стало важным компонентом военной стратегии отдельных государств и необходимым условием установления нового мирового порядка террористическими организациями. Необходимо принятие мер по противодействию практике своеобразного геноцида культурного наследия целых стран и народов» [Егоров, Анисимов 2017:131-132]. Наряду с термином «культурная чистка» в научных источниках употребляется и термин «культурный геноцид» [David 2010:7; Schabas 2009:55-57]. Трактовка последнего понятия не имеет юридической регламентации, как и тер-

мина «культурная чистка». Вместе с тем, истории уже известны случаи массовых культурных чисток как части политики геноцида: речь идет о систематических разрушениях во время Второй мировой войны синагог, еврейских школ, кладбищ и других памятников, свидетельствующих о присутствии еврейского народа на территории Рейха и большей части оккупированной Европы. Как отмечает в одной из своих научных публикаций Ф. Бюньон, «лишь в Праге избежали общей участи синагоги, еврейские кладбища и Йозефовская ратуша – нацисты цинично предполагали сохранить это культурное наследие, чтобы превратить его в музей вымершей еврейской расы, что особенно контрастно подчеркивает систематический характер уничтожения и искоренения еврейской культуры во всей Европе» [Бюньон 2004: 5-7].

К сожалению, ситуации «культурной чистки» в некоторых государствах с богатыми традициями и самобытной культурой в последние десятилетия имеют место быть. Это вопиющие примеры разрушений, разграблений, незаконного вывоза культурных объектов из Афганистана, Ирана, Ирака, Мали, Сирии, Ливии и др.

С учетом пагубных тенденций разрушение культурных ценностей в условиях современных вооруженных конфликтов нуждается в серьезной оценке со стороны мирового сообщества, поскольку в таком контексте уничтожение объектов наследия следует рассматривать как попытку стереть культурную самобытность отдельных народов. По мнению Ф. Бюньона, в современном мире «цель уничтожения памятников, храмов, произведений искусства – убить душу против-

⁴⁷ Комментарий Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина по итогам принятия резолюции Совета Безопасности ООН 2199. – *Постоянное представительство Российской Федерации при ООН*. 12.02.2015. Доступ: https://russiaun.ru/ru/news/sc_cm2199#:~:text=12%20февраля%20Совет%20Безопасности%20ООН,торговли%20сирийской%20и%20иракской%20нефтью (дата обращения: 10.07.2023).

⁴⁸ Запрещенная в Российской Федерации международная террористическая организация.

⁴⁹ Генеральный директор ЮНЕСКО с 2009 г. до 2017 г.

⁵⁰ Запрещенная в Российской Федерации международная террористическая организация.

⁵¹ См.: Ирина Бокова осудила новые разрушения культурных памятников Пальмиры в Сирии. – *Официальный сайт ЮНЕСКО*. 20.04.2023. Доступ: <https://www.unesco.org/ru/articles/irina-bokova-osudila-novye-razrusheniya-kulturnykh-pamyatnikov-palmyry-v-sirii> (дата обращения: 10.07.2023).

⁵² Генеральный директор ЮНЕСКО И. Бокова использовала термин «культурная чистка» в своем публичном заявлении о ситуации в Ираке в августе 2014 г. С этого момента он используется в публичных заявлениях, выступлениях и интервью в целях повышения осведомленности о систематическом и преднамеренном характере нападений экстремистских группировок, мишенью которых стали объекты культурного наследия и культурное разнообразие в Ираке и Сирии. Понятие «культурная чистка» не является правовым термином. См. подробнее: ЮНЕСКО: Укрепления деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта. Генеральная конференция 38-я сессия, Париж 2015 г. Доступ: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235186_rus (дата обращения: 13.07.2023).

ника, уничтожить его историю, культуру и веру, чтобы стереть всякий след его присутствия, а иногда – самого его существования» [Бьюнхон 2004: 5].

В продолжение развития международно-правовой регламентации защиты культурных ценностей в свете современных вызовов и угроз Совет Безопасности ООН принял вторую значимую историческую резолюцию 2347 (2017) от 24 марта 2017 г.⁵³ К «революционным» идеям, заложенным данным актом, относятся следующие. Во-первых, согласно п. 9 резолюции на государства возлагаются обязательства по разработке эффективных внутригосударственных мер с целями квалификации преступной деятельности, касающейся незаконного оборота культурных ценностей и связанных с ним предикатных преступлений, «которая может быть выгодна организованным преступным группам, террористам или террористическим группам, в качестве серьезного преступления в соответствии со статьей 2(b) Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности»⁵⁴.

Во-вторых, согласно п. 15 резолюции была выработана инициатива по созданию чрезвычайного фонда наследия ЮНЕСКО, а также международного фонда по защите находящегося под угрозой культурного наследия в условиях вооруженного конфликта. Целевое назначение фондов – финансирование превентивных и чрезвычайных операций по защите и восстановлению культурных ценностей, пострадавших, в том числе, в результате вооруженных конфликтов. В данном контексте не следует забывать о существовании фонда в соответствии с Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., из которого поступают финансы на защиту, охрану, восстановление культурных объектов, внесенных в Список всемирного наследия человечества и Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Данные фонды независимы друг от друга, имеют разные назначения и принципы функционирования.

В-третьих, инновационным предложением явилась идея о создании «безопасных зон» для защиты культурных ценностей в контексте вооруженных конфликтов. В резолюции осуждается

разрушение монументов и памятников архитектуры, объектов религиозного поклонения, расхищение исторических ценностей с территории вооруженных конфликтов. Для их сохранения рекомендуется документировать и перемещать их в так называемые безопасные зоны.

Впервые в истории становления и развития международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов в анализируемой резолюции Совета Безопасности ООН осуждается широкий спектр противоправных действий, посягающих на незыблемость культурного наследия во время конфликтов, без привязки к местоположению культурных ценностей и без учета статуса субъекта преступлений, который согласно нормам резолюции, может являться как запрещенной террористической организацией, так и любым другим вооруженным формированием (группировкой).

Изучаемые в научной статье резолюции Совета Безопасности ООН, единодушно принятые всеми государствами-членами, отражают глобальные изменения в отношении признания важности культурного наследия и его защиты в целях поддержания мира и безопасности, которые неотъемлемо связаны с многовековым наследием.

Таким образом, необходимо отметить, что в настоящее время государствам удалось сформировать международно-правовые основы по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, выработать соответствующую международную судебную практику, которую необходимо расширять за счет рассмотрения случаев преступных посягательств на культурные ценности в условиях военных действий, а также определить перспективные задачи по объединению усилий государств для коллективной работы ключевых членов международного сообщества в деле дальнейшего сохранения культурного наследия для будущих поколений.

4. Заключение

Изучение вопроса становления и развития международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в случае вооруженного

⁵³ ООН: Резолюция 2347 (2017), принятая Советом Безопасности на его 7907-м заседании 24 марта 2017 г. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/079/08/PDF/N1707908.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.07.2023).

⁵⁴ Там же.

конфликта в IX - XX вв. позволило выявить ключевые договоры в рамках предмета исследования и провести комплексный анализ режимов защиты, предоставляемых различным культурным ценностям в период ведения военных действий. Речь идет об общем, специальном и усиленном режимах защиты, определяющих правовые и организационные механизмы и меры, которые должны приниматься государствами в рамках охраны и уважения культурных ценностей.

Исследование актуальных тенденций международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта в XXI в. позволило прийти к выводу, что современный период следует характеризовать как этап принятия важных исторических решений в рамках изучаемого вопроса как в деятельности международных судебных органов, так и в деятельности главных органов и специализированных учреждений ООН. Проведен анализ наработанной судебной практики органов международной уголовной юстиции по делам, касающимся преступлений, связанных с уничтожением исторических, культурных и религиозных памятников, в том числе, находящихся под охраной ЮНЕСКО.

Изучены актуальные ключевые резолюции Совета Безопасности ООН от 2015 г. и 2017 г., которые по своей тематике впервые были посвящены проблеме защиты культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов и на этой основе определены тенденции дальнейшего взаимодействия компетентных органов государств по предупреждению и пресечению незаконного уничтожения культурного наследия, а также разграблению и незаконному вывозу культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, особенно террористическими группами.

В статье выявлены закономерности использования в современных вооруженных конфликтах практики уничтожения культурных ценностей и иных объектов исторического и религиозного значения в качестве неотъемлемого элемента военной стратегии с целями запугивания населения, лишения его культурной и исторической памяти, отрицания исторических корней и культурного разнообразия. Для характеристики подобных случаев закрепились термины «культурная чистка» или «культурный геноцид», которые на данный момент не нашли юридического закрепления, но остро нуждаются в правовой квалификации.

Как представляется, значимым вкладом в дальнейшее совершенствование международно-правовых механизмов защиты культурных ценностей в период современных вооруженных конфликтов является развитие института ответственности за выявленные нарушения в данной области. При этом реализация ответственности возможна на двух уровнях: в рамках международной или национальной юрисдикции государств. Отметим, что в отечественной доктрине данный вопрос широко изучен в трудах юристов-международников [Марусин 2014: 199-207]. Таким образом, государствам следует развивать как судебную практику МУС в случае передачи под его юрисдикцию соответствующих ситуаций с посягательствами на культурное наследие в период вооруженных конфликтов, так и возбуждать уголовные дела на уровне национального судопроизводства с учетом того факта, что участниками многих современных вооруженных столкновений выступают негосударственные формирования, международные террористические группы, во все возрастающих масштабах использующих практику уничтожения многовекового культурного наследия народов.

Список литературы

1. Арутюнян А. 2017. Дело Аль-Махди и нападение на культурные ценности как международное преступление. – *Международное правосудие*. № 2. С. 118-132. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-2-118-132
2. Батырь В.А. 2023. Международно-правовые режимы охраны культурных ценностей в условиях фактической ситуации вооруженного конфликта. – *Lex russica (Русский закон)*. Т. 76. № 7. С. 98-118. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.200.7.098-118>
3. Богуславский М.М. 2006. *Судьба культурных ценностей*. М.: Юрист. 206 с.
4. Бюньон Ф. 2004. Становление правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. – *Международный журнал Красного Креста*. № 854. С. 5-17.
5. Глотова С.В. 2016. Концепция преступлений против человечности: общепризнанность и сущностные признаки в свете современного развития международного права. – *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. № 3. С. 36-49. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.304
6. Гришин А.С. 2014. 20 лет Международному трибуналу по бывшей Югославии: итоги деятельности и перспективы международного правосудия. – *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 1. С. 359-365.
7. Джири Т. 2005. *Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта: комментарий к Кон-*

- венции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. М.: ЮНЕСКО. 2005. 542 с.
8. Документы по международному гуманитарному праву и другие документы, относящиеся к ведению военных действий. 5-е изд. 2010. М.: Международный Комитет Красного Креста. 396 с.
 9. Егоров С.А., Анисимов И.О. 2019. «Культурная чистка» и защита культурных объектов в период вооруженных конфликтов. – *Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер»*. № 6. С. 1-7.
 10. Котляров И.И. 2013. *Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика): монография*. М.: Юрлитинформ. 504 с.
 11. Липников А.С. 1999. Международно-правовое регулирование охраны культурных ценностей во время вооруженного конфликта. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 291-300.
 12. Мартенс Ф. 1879. *Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 г.* Санкт-Петербург. 596 с.
 13. Марусин И.С. 2014. Разграничение юрисдикции Международного уголовного суда и внутригосударственных судебных органов. – *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. № 4. С. 199-207.
 14. Молчанов С.Н. 2000. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие (достояние)» в международном праве (информационно-аналитический обзор). – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 20-27. DOI:https://doi.org/10.24833/0869-0049-2000-2-20-27
 15. Пузырева Ю.В. 2012. Историко-правовые аспекты становления и развития принципа защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 89-110. DOI:https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-1-89-110.
 16. Пузырева Ю.В. 2023. *Международно-правовые основы защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов: монография*. М.: ИНФРА-М. 150 с.
 17. Фриго М. 2004. Культурные ценности и культурное наследие: «борьба понятий» в международном праве?. – *Международный журнал Красного Креста*. № 854. С.67-80.
 18. Фьянкан-Баконга К. 2017. Историческая резолюция для защиты культурного наследия. – *Курьер ЮНЕСКО*. № 3. С. 7-10.
 19. David L. Nersessian. 2010. *Genocide and Political Groups*. Oxford; New York: Oxford University Press. 380 p.
 20. Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. 2005. *Customary international humanitarian law. Vol. 1: rules*. Cambridge: Cambridge University Press. 676 p. DOI:https://doi.org/10.1017/CBO9780511804700
 21. Mahnad P. 2017. Protecting cultural property in Syria: New opportunities for States to enhance compliance with international law? – *International Review of the Red Cross*. Vol. 99. No. 906. P. 1037-1074. DOI:doi:10.1017/S1816383118000322
 22. O'Keefe R. 2009. *The Protection of Cultural Property in Armed Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press. 405 p. DOI:https://doi.org/10.1017/CBO9780511494260
 23. Schabas W. 2009. *Genocide in international law: the crimes of crimes*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 624 p. DOI:https://doi.org/10.1017/CBO9780511575556
 24. Solis G. 2021. *The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 850 p. DOI:10.1017/9781108917797.

References

1. Arutyunyan A. Delo Al'-Makhdi i napadenie na kul'turnye tsennosti kak mezhdunarodnoe prestuplenie [Delo Al'-Makhdi i napadenie na kul'turnye tsennosti kak mezhdunarodnoe prestuplenie]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2017. No. 2. P. 118-132. (In Russ.). DOI: 10.21128/2226-2059-2017-2-118-132
2. Batyr' V.A. Mezhdunarodno-pravovye rezhimy okhrany kul'turnykh tsennostei v usloviyakh fakticheskoi situatsii vooruzhennogo konflikta [International Legal Regimes for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict]. – *Lex russica (Russkii zakon)*. 2023. Vol. 76. No. 7. P. 98-118. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.200.7.098-118
3. Boguslavskii M.M. Sud'ba kul'turnykh tsennostei [The fate of cultural values]. Moscow: Yurist Publ. 2006. 206 p. (In Russ.)
4. Bugnon F. Stanovlenie pravovoi zashchity kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta [Formation of the legal protection of cultural property in the event of an armed conflict]. – *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta*. 2004. No. 854. P. 5 -17. (In Russ.)
5. David L. Nersessian. *Genocide and Political Groups*. Oxford; New York: Oxford University Press. 2010. 380 p.
6. *Dokumenty po mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu i drugie dokumenty, otnosyashchiesya k vedeniyu voennykh deistvii*. 5-e izd. [Documents on international humanitarian law and other documents related to the conduct of hostilities. 5th ed.]. Moscow: Mezhdunarodnyi Komitet Krasnogo Kresta Publ. 2010. 396 p. (In Russ.)
7. Egorov S.A., Anisimov I.O. "Kul'turnaya chistka" i zashchita kul'turnykh ob"ektov v period vooruzhennykh konfliktov ["Cultural cleansing" and the protection of cultural sites during armed conflict]. – *Elektronnoe setevoe izdanie "Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er"*. 2019. No. 6. P. 1-7. (In Russ.)
8. Fiankan-Bokonga K. Istoricheskaya rezolyutsiya dlya zashchity kul'turnogo naslediya [A historic resolution to protect cultural heritage]. – *Kur'er UNESCO*. 2017. No.3. P. 7-10. (In Russ.)
9. Frigo M. Kul'turnye tsennosti i kul'turnoe nasledie: "bor'ba ponyatii" v mezhdunarodnom prave? [Cultural Values and Cultural Heritage: A "Struggle of Concepts" in International Law?]. – *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta*. 2004. No. 854. P. 67-80. (In Russ.)
10. Glotova S.V. Kontseptsiya prestuplenii protiv chelovechnosti: obshchepriзнannost' i sushchnostnye priznaki v svete sovremennogo razvitiya mezhdunarodnogo prava [The Totion of "Crimes against Humanity": the General Recognition and Contextual Elements in Modern International Law]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2016. No. 3. P. 36-49. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.304
11. Grishin A.S. 20 let Mezhdunarodnomu tribunalu po byvshei Yugoslavii: itogi deyatelnosti i perspektivy mezhdunarodnogo pravosudiya [20 Years of the International Tribunal for the Former Yugoslavia: esults of its work and prospects of international justice]. – *Vestnik Nizhegorod-*

- skogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. No. 1. P. 359-365. (In Russ.)
12. Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. *Customary international humanitarian law. Vol. 1: rules*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 676 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804700>
 13. Jiri T. Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict: A Commentary on the Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (Russ. ed.: Jiri T. *Zashchita kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta: kommentarii k Konventsii o zashchite kul'turnykh tsennostei v sluchae vooruzhennogo konflikta*. Moscow: UNESCO Publ. 2005. 542 p.)
 14. Kotlyarov I.I. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vooruzhennykh konfliktov (osnovnye teoreticheskie problemy i praktika): monografiya* [International legal regulation of armed conflicts (main theoretical problems and practice): a monograph]. Moscow: Yurлитinform Publ. 2013. 504 p. (In Russ.)
 15. Lipnikov A.S. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie okhrany kul'turnykh tsennostei vo vremya vooruzhennogo konflikta* [International legal regulation of the protection of cultural property during an armed conflict]. – *Moscow Journal of International Law*. 1999. No. 2. P. 291-300. (In Russ.)
 16. Mahnad P. Protecting cultural property in Syria: New opportunities for States to enhance compliance with international law? – *International Review of the Red Cross*. 2017. Vol. 99. No. 906. P. 1037-1074. DOI: [doi:10.1017/S1816383118000322](https://doi.org/10.1017/S1816383118000322)
 17. Martens F. *Vostochnaya voyna i Bryussel'skaya konferentsiya. 1874–1878 g.* [The Eastern War and the Brussels Conference. 1874–1878]. Saint-Petersburg. 1879. 596 p. (In Russ.)
 18. Marusin I.S. *Razgranichenie yurisdiktsii Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda i vnutrigosudarstvennykh sudebnykh organov* [Delimitation of jurisdiction between the International Criminal Court (ICC) and national courts]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2014. No. 4. P. 199-207. (In Russ.)
 19. Molchanov S.N. *Ob ispol'zovanii ponyatii "kul'turnye tsennosti" i "kul'turnoe nasledie (dostoyanie)" v mezhdunarodnom prave (informatsionno-analiticheskii obzor)* [On the use of the concepts of «cultural values» and «cultural heritage (property)» in international law (information and analytical review)]. – *Moscow Journal of International Law*. 2000. No. 2. P. 20-27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2000-2-20-27>
 20. O'Keefe R. *The Protection of Cultural Property in Armed Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 405 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494260>
 21. Puzyreva Yu.V. *Istoriko-pravovye aspekty stanovleniya i razvitiya printsipa zashchity grazhdanskikh ob'ektov v period vooruzhennykh konfliktov* [Historical and Legal Aspects of Formation and Development of the Principle of Protection of Civilian Objects in Armed Conflicts]. – *Moscow Journal of International Law*. 2012. No. 1. P. 89-110. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-1-89-110>
 22. Puzyreva Yu.V. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy zashchity grazhdanskikh ob'ektov v period vooruzhennykh konfliktov: monografiya* [International legal framework for the protection of civilian objects during armed conflicts. A monograph]. Moscow: INFRA-M Publ. 2023. 150 p. (In Russ.)
 23. Schabas W. *Genocide in international law: the crimes of crimes*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. 624 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575556>
 24. Solis G. *The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 850 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108917797>

Информация об авторе

Пузырева Юлия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры прав человека и международного права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

yuliya_dugina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4448-2200

About the Authors

Yuliya V. Puzyreva,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Human Rights and International Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'

12, ul. Akademika Volgina, Moscow, Russian Federation, 117997

yuliya_dugina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4448-2200